Кровавый мятеж в Париже.
Угроза разоблачения.
Ребенок, хранящий тайну.

Молчаливый мальчик

Продолжение романа «ЗАПАХ СМЕРТИ»

Впервые на русском!

От автора бестселлеров «ЛОНДОН В ОГНЕ» и «ЗАГАДКА ЭДГАРА ПО»!

В лучших традициях детективов о Мэтью Шардлейке от К. Дж. СЭНСОМА!

ЭНДРЮ ТЕЙЛОР

The Big Book

Эндрю Тейлор

Молчаливый мальчик

«Азбука»
2014

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Тейлор Э.

Молчаливый мальчик / Э. Тейлор — «Азбука», 2014 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-35565-1

Эндрю Тейлор – один из лучших современных авторов в жанре исторического детектива (The Times). Он удостоен многих литературных наград, таких как высшая премия Ассоциации писателей-криминалистов Великобритании «Алмазный кинжал», премия Ассоциации писателей-историков «Золотая корона», премия «Барри», премия Эллиса Питерса в области исторической литературы 2013 года. Герой «Молчаливого мальчика» Эдвард Сэвилл уже знаком читателям по роману «Запах смерти», хотя это две совершенно разные истории. После выхода в 2014 году книга была отмечена как исторический роман года по версиям The Times и Sunday Times, а также вошла в список детективных книг года по версии BBC Radio 4. Сэвилл не вспоминал о жене годами, ведь они давно расстались. Но известие о ее страшной смерти повергает его в смятение: она погибла от руки убийцы в залитом кровью мятежном Париже. Ее десятилетнего сына Чарльза успели вывезти в Англию, и по просьбе бывшего патрона – он же дядя жены – Сэвилл отправляется за мальчиком в Сомерсетшир. На месте выясняется, что Чарльз нем как рыба. Очевидно, он стал свидетелем ужасных событий; вероятно, на его глазах убили мать, но какая страшная тайна нависла над ним, что он не может вымолвить ни слова? Неужели кто-то желает ему зла? Никакие ухищрения не могут заставить его заговорить, более того, Сэвилл понимает, что даже при всех полномочиях забрать ребенка в Лондон – та еще задача. Он старается подружиться с Чарльзом, завоевать его доверие, однако мальчик внезапно исчезает… Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-35565-1

© Тейлор Э., 2014
© Азбука, 2014

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 12
Глава 3 16
Глава 4 20
Глава 5 25
Глава 6 28
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Эндрю Тейлор
Молчаливый мальчик

Посвящается Джеймсу

Серия «The Big Book»

Andrew Taylor
THE SILENT BOY
Copyright © Andrew Taylor, 2014
All rights reserved

Перевод с английского Ольги Александровой

Оформление обложки Ильи Кучмы

Молчаливый мальчик: роман / Эндрю Тейлор; пер. с англ. О. Александровой. – СПб.: Азбука, Издательство АЗБУКА, 2026. – 512 с. – ().

© О. Э. Александрова, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

Глава 1

Ничего не говори. Ни слова ни одной живой душе. Что бы ты ни увидел. Что бы ты ни услышал. Тебе понятно? Ничего не говори. Никогда.

Щелк-щелк. Будто колешь грецкий орех.

Отныне и навсегда Чарльз будет видеть кровь. Она струится по щеке и пропитывает рубашку. Он облизывает пересохшие губы и чувствует вкус крови: соленый, металлический, мерзкий.

Он упал, сбегая по крутой лестнице. Он лежит на спине и смотрит в небо. С черного неба с желтыми полосами идет кровь. Кровь блестит в свете фонаря на столе.

Снаружи слышны крики и грохот.

А внутри вопиет кровь. Она ревет, и кричит, и кряхтит. Звук отдается в его голове. Врезается в кость и распадается на тысячу кинжалов, которые отворяют еще больше крови.

Он с трудом встает на ноги. Его башмаки возле дверей. Он сует в них ноги.

Невозможно описать словами все, что он видел и слышал. Невозможно описать словами хоть что-то. Больше не должно быть никаких слов.

Во сне и наяву, здесь и повсюду, отныне и навсегда. Никогда никаких слов.

Чарльз поднимает засов и распахивает тяжелую дверь. Больше никаких слов.

А теперь умолкни. Ничего не говори.

Щелк-щелк.

Чарльз пулей вылетает из дома и захлопывает дверь. Мощеный двор окутан тьмой. А также мастерские и большой дом в глубине. Однако небо над крышами домов озарено желтыми и оранжевыми вспышками света факелов. Шум оглушает. Мальчику хочется заткнуть уши.

Бьет набатный колокол. Звонят церковные колокола. Их перезвон наполняет ночной воздух и смешивается с какофонией неестественных звуков. На улице с дальней стороны дома шумно, как днем, а точнее, еще более шумно: слышатся крики и вопли, лай собак и грохот взрывов, цоканье копыт и скрежет колес в железных ободьях.

Кто-то начинает колотить в дверь, причем не рукой или дверным молотком. Удары размеренные и решительные. От них дрожит воздух. Стекло разлетается на осколки. Кто-то пронзительно кричит.

Дерево раскалывается. Они взламывают дверь хозяйского дома. А значит, уже через несколько минут окажутся во дворе.

Чарльз ковыляет к большим воротам за домом. Они закрыты на два тяжелых засова, ограничивающих доступ в заднюю часть двора. В створке ворот имеется низкая калитка.

На ночь калитку закрывают на две щеколды. Он нашаривает их в темноте и понимает, что они уже открыты.

Конечно, открыты.

Он толкает калитку. Ничего не происходит. Неужели заперта на ключ? В отчаянии он тянет на себя створку. Створка врезается в него с такой силой, что он падает на скользкий булыжник.

Дверь дома открывается.

Чарльза охватывает паника. Он снова на ногах. Дорожка за калиткой прячется в темноте. Он выскакивает из калитки. Дорожка идет параллельно улице. Теплый воздух пахнет гнилью. Жара сводит город с ума.

Смятенный ум не позволяет осознать, что в дверь дома перестали ломиться. В глубине двора появляются огоньки. Ставни распахиваются. Окна заливает адский огонь.

Звякают цепи, отодвигаются засовы. Протяжно завывая, возбужденно лает собака.

Сквозь проем калитки Чарльз видит на пороге открытой двери черную фигуру огромной собаки.

Он закрывает рот рукой, пытаясь сдержать рвущиеся наружу слова, поворачивается и пускается наутек.

Вокруг царит такой хаос, что никто не обращает на Чарльза внимания. Его толкают, протискиваясь мимо него. Отгоняют, чтобы не путался под ногами, словно назойливую муху.

Мальчик их не интересует. Он для них никто. Он рад быть никем. Он хочет быть меньше, чем никто.

Он снова вжимается в дверной проем. Он видит кровь повсюду: в сточных канавах, на лицах, на одежде бегущих мимо него мужчин и женщин, на стене напротив него.

На углу улицы толпа окружила проезжавший мимо экипаж. Они вытаскивают на улицу мужчину и женщину и вышвыривают оттуда пожитки. Открывается шляпная коробка, оттуда вываливается шляпа. На нее наступает какой-то мужчина.

Дама, судорожно всхлипывая, громко рыдает. Господин молчит. Его глаза закрыты.

Помощник пекаря, здоровенный детина на полголовы выше всех остальных, хватается за платье женщины. Он тянет за ворот. Тонкая ткань рвется.

Чарльз выскальзывает из дверного проема. Он толком не понимает, куда идет, но ноги сами находят дорогу. С собой у него ничего нет, только то, что на нем: рубашка, в которой он спал, кюлоты и башмаки на ногах.

Вывеска с изображением золотого фазана висит над дверью лавки, торгующей мясом птицы. Кто-то набросил на вывеску нижнюю юбку.

Старый Барбон, привратник дома, расположенного дальше по улице, лежит прямо на голой земле. Он льет себе в глотку вино, красная жидкость течет по щекам. Однажды Барбон угостил Чарльза сладкой и сочной сливой, и Мари сказала, что эту сливу принесли ангелы.

Мадам Пиаль, хозяйка винной лавки с соседней улицы, волочит по дороге тяжелый мешок. Она потеряла шляпу и чепец. Ее седые волосы струятся по плечам грязным потоком.

Улица Ришелье запружена людьми. Их лица искажены злобой. В них не осталось ничего человеческого. Это вурдалаки из ночных кошмаров. Чарльз протискивается сквозь толпу, направляясь к реке. Улица заканчивается на пересечении с улицей Сент-Оноре. Он собирается свернуть налево и перейти реку по мосту Руаяль. Но здесь людей еще больше. Они скопились в окрестностях дворца Тюильри, словно осы вокруг блюдца с джемом. Через толпу здесь явно не пробиться.

А кроме того, в трех ярдах от него на дороге лежит один из швейцарских гвардейцев короля. У гвардейца нет головы, он также потерял сапоги и кюлоты. Вывалившиеся из живота потроха блестят в свете фонаря, продолжая сокращаться.

Чарльз замедляет шаг. Он сворачивает на восток, в сторону острова дворцов, переходит через Сену по Новому мосту. Национальная гвардия расположилась на обоих берегах реки, а также на самом острове дворцов. Однако гвардейцы совершенно не обращают внимания на людей, сплошным потоком устремившихся на север через Сену в сторону Тюильри. Мальчик продвигается против течения, лавируя в толпе. Он чувствует запах пота, волнения и злобы.

На левом берегу народу гораздо меньше. Но шум такой же адский. Сюда доносятся звуки пушечных выстрелов и пальбы из мушкетов в районе Тюильри. Вопли и истошные крики. Цокот копыт и скрежет колес.

На набережной Орсе и набережной Театинцев зеваки наблюдают, словно за фейерверком, за сражением на другом берегу реки.

На улице Дофина голова Чарльза мало-помалу проясняется, не слишком сильно, но достаточно для того, чтобы он мог понять, куда идет. Раньше он был здесь только один раз,

но это было днем и в нормальной обстановке. Он потратил почти час на поиски дороги, сворачивая то туда, то сюда в полутьме, чтобы избежать толп народу, избежать встречи с людьми, пытающимися вовлечь его в свою жизнь.

Наконец неподалеку от кафе «Корацца» Чарльз попадает в узкий переулок, который ведет к мощеному двору, где единственным источником света является масляная лампа в окне второго этажа. Лампа испускает грязно-желтое ароматное облачко. За целый день во дворе накопилось солнечное тепло, и сейчас здесь даже жарче, чем на улице.

Чарльз прислушивается. Он ничего не слышит, если не считать шебуршения крыс. Звук настолько привычный, что он его практически не замечает.

Он не видит двери, но нащупывает ее кончиками пальцев.

Дерево старое, обшарпанное и сухое, как поверхность пустыни. Чарльз барабанит в дверь до тех пор, пока не разбивает в кровь костяшки пальцев. Он барабанит в дверь до тех пор, пока она не открывается.

Мари ненамного выше Чарльза. Она такая толстая, что кажется квадратной. Она похожа на быка в выцветшем синем платье; от нее пахнет потом, чесноком и древесным дымом, а еще кислым молоком – запах, присущий ей одной. И запах этот кажется Чарльзу родным и знакомым.

Она втаскивает мальчика в дверь и сжимает в объятиях, таких крепких, что трудно дышать.

– Что случилось? – спрашивает Мари. – А где мадам?

Она задает вопросы снова и снова, но Чарльз не может ответить ни на один из них. И Мари в конце концов сдается. Она приносит воду и тряпочкой смывает кровь с его лица и рук.

Комната освещена лишь горящим огрызком сальной свечи и зажженной лучиной на холодной печке. Вот почему Мари не видит запекшейся крови в волосах Чарльза. Но ее пальцы все-таки находят засохшие корочки. Она шумно чмокает губами, тем самым выражая крайнее неодобрение. С неожиданным для нее проворством Мари сдирает с мальчика кюлоты и грязную рубашку. После чего тащит его, голого и побледневшего, во двор.

В углу двора есть водоразборная колонка. Одной рукой Мари держит Чарльза, а другой поливает его струей воды. Она перебирает пряди его мокрых волос, трет скользкое тело, забираясь в каждую щелочку и трещинку. Затем снова окатывает водой. После чего, положив руку ему на шею, вталкивает в комнату и закрывает за ним дверь на засов.

Несмотря на жару, Чарльз дрожит. Мари заворачивает его в одеяло, усаживает на табурет и прислоняет к стене. Приносит деревянную кружку с водой.

Чарльз жадно пьет. Мари что-то мурлычет себе под нос. Она часто так делает, повторяет одни и те же три ноты, ля-ля-ля, низким голосом, очень тихо, снова и снова.

Он рад, что Люка нет дома. Люк – это брат Мари. Он кухонный работник. У него только один глаз в результате жуткого несчастного случая на бойне, где он раньше работал. И хотя Мари не была свидетелем того инцидента, она неоднократно описывала его Чарльзу до мельчайших подробностей.

И единственное посещение этого дома, примерно год назад, было специально устроено для того, чтобы Чарльз мог воочию увидеть ярко-красную ямку на месте левого глаза Люка. Впрочем, в жизни все оказалось не настолько устрашающим, как рисовало Чарльзу воображение. Из уважения к хозяевам он разыграл настоящую пантомиму, изобразив шок и ужас. Хотя, по правде говоря, был сильно разочарован.

В тот день, перед тем как Мари отвела его домой, он оставил на печке один су, поскольку знал, что Мари с Люком сильно нуждались. Мари нянчила Чарльза в раннем детстве, а потом осталась в доме в качестве служанки. Но затем ее уволили, и он, засыпая, плакал почти неделю.

Теперь брат и сестра живут в одной комнате. Их кровать находится в занавешенной нише у печи.

Когда Чарльз выпил столько воды, сколько смог, Мари приносит ему ночной горшок и смотрит, как он справляет нужду. Затем опускается рядом с ним на колени и возносит молитву Пресвятой Деве. Мари всегда так делала, укладывая Чарльза спать.

Он знает, что должен к ней присоединиться. Но продолжает молчать, и Мари бросает на него острый взгляд и пихает его локтем под ребра. Когда она снова начинает молитву, он шевелит губами, изображая звуки, из которых не может сложить слова.

Мари пристально смотрит на мальчика, но, похоже, не возражает. Возможно, она не понимает разницы между словами, которые имеют форму, и словами, которые ее не имеют.

Она укладывает Чарльза в постель, задувает свечу и ложится рядом. Матрас продавливается под ее тяжестью. Чарльзу ничего не остается, как прильнуть к ней, повторяя очертания ее тела.

Очень жарко, и становится еще жарче. Но он уже большой мальчик и не обращает внимания на то, чем от нее пахнет и что она возвышается над ним, словно гора плоти.

Очень скоро Мари засыпает. Она храпит и ворочается.

Храп прекращается.

– Скажи, – шепчет она. – А где мадам?

Мальчик не отвечает. Теперь он никогда не должен отвечать. *Ничего не говори. Ни слова.*

Мари тычет ему в бок пальцем:

– Что случилось?

Щелк-щелк. Будто колешь грецкий орех.

Не дождавшись ответа, Мари шумно вздыхает и отворачивается.

Чарльз прислушивается к ее дыханию. Он закрывает глаза, но сразу видит то, что не хочет видеть. Тогда он снова открывает глаза и смотрит в темноту.

Люк пропадал три дня. Домой он вернулся пьяным от бренди и крови. Его единственный глаз налит кровью.

Поначалу он не замечает мальчика. Он требует вина. Он требует еды. Мари пытается усадить брата в кресло, но он сопротивляется.

Чарльз лежит в кровати в алькове. Он откатывается влево в надежде спрятаться за наполовину задернутым пологом. Однако Люк своим единственным глазом замечает движение.

– А это, черт возьми, еще кто такой?! – Люк настолько охрип, что способен говорить лишь шепотом.

– Это сын мадам фон Штрайхер. Он пришел позавчера ночью.

– Кто его привел?

– Никто.

Люк подходит к алькову и пялится на Чарльза, который во все глаза смотрит на Люка, так как не знает, что еще делать.

– Где твоя мать? – спрашивает Люк.

Чарльз молчит.

– Я не знаю, – говорит Мари. – Он был весь в крови.

– Отведи его домой. Он нам здесь не нужен.

– Я пыталась, – отвечает Мари. – Отправила записку на улицу Гренель, но мадам там больше нет. Консьерж сказал, что мадам с сыном выехали месяц назад.

– Они предатели! – внезапно выпалил Люк. – Ее арестовали. Если мы станем его укрывать, нас тоже арестуют. Ты знаешь, чем это кончается. – Люк, точно ножом, рубит ребром правой руки ладонь левой руки.

Он имеет в виду гильотину. Чарльз слышал, как мать обсуждала этот агрегат с доктором Голисом, и доктор Голис сказал, что это гуманный способ казнить преступников. Однако, продолжил доктор, людям не нравится гильотина, так как это слишком быстрый и чистый способ умерщвления. Нет, народ предпочитает старые способы казни: повешение на виселице, или колесование, или отрубание головы мечом. Такие казни длятся дольше, сказал доктор Голис, и являются более зрелищными.

– Сейчас они установили агрегат в Тюильри. На площади Каррузель.

Мари наливает брату вина, затем встает, руки в боки, перед альковом, заслонив Чарльза.

Люк делает добрый глоток вина и вытирает рот тыльной стороной ладони.

– Вышвырни его вон! В канаву. Куда хочешь.

– Не могу. Он всего лишь ребенок.

– Если узнают, что он здесь, этого будет достаточно, чтобы мы предстали перед Революционным трибуналом.

– Но он никому не причинит вреда…

Люк швыряет в сестру кубок с вином, и тот попадает ей прямо в лицо. Она вскрикивает и отворачивается. Чарльз видит кровь у нее на щеке.

– Или ты сделаешь, как тебе сказано, – говорит Люк, – или я переломаю ему все кости, да и тебе заодно.

Глава 2

Мари крепко держит Чарльза за руку. Она выволакивает его из тенистой, пахнущей мочой тишины переулка на людную улицу.

Женщина тянет его за собой, дергая за руку, чтобы поторапливался. Он словно рыба на крючке, которую вытаскивают из людского моря.

После той ночи, когда Чарльз пришел к Мари, он впервые оказался на улице. Сейчас все кажется ярче и больше режущим слух: одежда, кокарды, солдаты, пропускные пункты, агрессивные группы перемещающихся с места на место мужчин и женщин. В воздухе ощущаются тревожные флюиды, невидимые миазмы, которые затрагивают всех и каждого. И Чарльз хочет быть частью всего этого.

Перед выходом из дома Мари расчесала ему волосы. На нем рубашка и кюлоты, которые она постирала день назад, хотя при всем старании не смогла отстирать всю кровь. Они идут не на север, к реке, а на запад. Миновав церковь Сен-Сюльпис, они сворачивают на улицу дю Бак.

Мари тащит Чарльза по улице, прокладывая дорогу между экипажами и повозками исключительно силой своей личности и потоком ругательств. Она останавливается перед большим домом с обитыми железом черными воротами.

Черные ворота закрыты. Мари, что-то пробормотав себе под нос, свободной рукой дергает шнурок колокольчика, но при этом другой так сильно сжимает запястье Чарльза, что он боится, что треснут кости.

За воротами раздается звон колокольчика, но никто не спешит открывать. Мари подпрыгивает на месте, нетерпеливо перебирая коротенькими ногами. Она снова дергает шнурок колокольчика. Какой-то прохожий толкает Чарльза, и Мари невольно ослабляет хватку. Мальчик падает в канаву, ободрав колени. Мари осыпает мужчину ругательствами и, поставив Чарльза на ноги, в третий раз дергает шнурок колокольчика, уже дольше.

Открывается створка окошка в калитке. В маленьком прямоугольнике появляются глаза и нос какого-то мужчины.

– Дом закрыт, – говорит он. – Уходите.

– А где месье граф? – спрашивает Мари.

– Уехал. Все уехали.

Створка захлопывается. Мари снова звонит в колокольчик. Барабанит в дверь. Но ничего не происходит.

Тогда Мари стучит в ворота. К этому времени вокруг них уже собралась молчаливая толпа зевак.

Она поворачивается к ним и спрашивает, на что, по их мнению, они с таким упорством глазеют. И ее уверенный вид, ее гнев так действуют на любопытствующих, что они, устыдившись, потихоньку расходятся.

Мари, что-то бормоча себе под нос, ведет Чарльза в сторону Гранд-эколь. Мальчик начинает плакать.

Им навстречу бредет, приволакивая левую ногу, какой-то худой господин в простом темно-зеленом сюртуке. Чарльз узнает этого человека, Мари тоже.

Она прыжком преграждает ему дорогу, вытолкнув Чарльза перед собой.

– Монсеньор! – кричит она. – Монсеньор!

Он останавливается, хмурится, его лицо становится настороженным.

– Тише-тише! Теперь я просто месье Фурнье. Вы это знаете.

– Месье, вы приходили к мадам фон Штрайхер.

Месье Фурнье, насупившись, смотрит на Мари:

– Прошу прощения. Ничем не могу вам помочь. Кем бы вы ни были.

– Месье… – Мари толкает Чарльза вперед с такой силой, что мальчик врезается в руку месье Фурнье. – Это сын мадам. Это Чарльз. Вы должны его помнить.

Большие карие глаза месье Фурнье лезут на лоб, словно жизнь бесконечно подносит ему сюрпризы.

– Этот?

– Да, месье. Клянусь! Жизнью клянусь!

Фурнье жестом предлагает им отойти в сторону вместе с ним. Они останавливаются у внешней стены большого дома. Их обтекают прохожие.

Он берет Чарльза за подбородок и задирает ему голову.

– Да, клянусь Богом, вы правы! – Он наклоняется к Чарльзу, так что их головы оказываются почти на одном уровне. – Что случилось? Ты не ранен?

Чарльз молчит.

– Он не станет говорить, месье. По крайней мере, не после той ночи.

– Ты хочешь сказать, что он на самом деле был там? Когда?.. – Фурнье замолкает, и вопрос остается висеть в воздухе.

– А вы видели мадам? – спрашивает Мари. – Она тоже?.. – Мари не может найти нужных слов.

Фурнье окидывает ее внимательным взглядом:

– А вас разве там не было?

– Нет, месье. Я находилась… в доме своего брата. Чарльз пришел ко мне ночью. Он был…

– Каким он был?

– Весь в крови. – Мари показывает на следы пятен крови на рубашке Чарльза. – Вот видите? С головы до пят. Кровь на одежде, в волосах.

– Боже правый!

Мари повышает голос:

– Он отказывается говорить, что произошло. Он вообще отказывается говорить. Я не могу оставить его у себя дома. Мой брат вышвырнет его вон.

– Вы правильно сделали, что привели его сюда. – Месье Фурнье достает носовой платок и вытирает лицо. – Мы не можем здесь говорить. Следуйте за мной.

Он устремляется туда, откуда пришел, и, несмотря на хромоту, идет так быстро, что Мари с Чарльзом приходится перейти на бег трусцой, чтобы не отстать. Фурнье сворачивает на ближайшем повороте на дорожку, идущую вдоль стены дома. На первом этаже нет окон, только малюсенькие окошки высоко над головой Чарльза. Окна эти защищены решетками с толстыми железными прутьями, выкрашенными, как и ворота, в черный цвет.

На следующем углу они поворачивают на узкую улочку, параллельную улице дю Бак. Здесь в стене дома встроены еще одни ворота, гораздо меньше первых.

Месье Фурнье окидывает взглядом дорогу. Кроме них, поблизости нет ни единой живой души. Он дважды стучит в ворота, делает паузу и снова стучит два раза. Отодвигается створка окошка в воротах. Никто не говорит. Слышится звяканье запоров. В замке поворачивается ключ. Ворота открываются, но не на всю ширину, а лишь настолько, чтобы в образовавшуюся щель мог протиснуться человек.

Фурнье входит первым. Мари проталкивает следом за ним мальчика, на ходу взъерошив ему волосы.

Они попадают в вымощенный булыжником двор с колодцем в углу. Толстый старик в грязном коричневом сюртуке смотрит на них, открыв рот. Фурнье направляется к дому, похожему на большой серый утес. Старик кивает в сторону дома, показывая, что Чарльз должен следовать за ним.

Чарльз срывается с места. Он слышит, как ворота закрываются у него за спиной.

И, только оказавшись внутри дома, когда он следовал за месье Фурнье по длинной каменной лестнице, мальчик понимает, что Мари больше нет рядом. Она осталась по ту сторону черных ворот.

Комната очень большая, почти как церковь. Несмотря на яркое солнце снаружи, здесь сумрачно, так как окна закрыты ставнями, сквозь щели в которых просачивается слабый свет. Одна ставня слегка приоткрыта, и солнечный луч падает на ковер, подползая к огромному письменному столу.

Стол из темного дерева украшен золотом, которое блестит в солнечном свете. Столешница величиной с кровать матери Чарльза, в столе много ящичков. На столе горы бумаг: некоторые сложены в стопки, некоторые валяются просто так, будто разбросанные порывом ветра.

За столом, лицом к двери, сидит дородный господин, его лицо скрывается в тени. Он поднимает голову, когда входит месье Фурнье, и Чарльз его узнает.

– Я думал, вы уже на полпути к… – Заметив за спиной месье Фурнье Чарльза, дородный господин осекается на середине фразы.

– Сейчас это более важно, – говорит месье Фурнье.

– Какого черта вы привели сюда этого мальчишку?!

Фурнье проходит в комнату, Чарльз следует за ним тенью. Одна из стопок бумаг прижата сверху пистолетом. Чарльзу хочется прямо сейчас оказаться вместе с Мари, лежать у нее под боком в кровати и вдыхать странный, неприятный запах, присущий лишь ей одной.

– Вы не понимаете. Это сын мадам фон Штрайхер.

Чарльз знает, что перед ним очень важный человек. Граф де Кийон – владелец этого дома, Отеля де Кийон, и многого еще. Он министр, говорит маман, крестный сын короля, а когда-то и друг короля. Он иногда навещал маман, хотя чаще присылал слугу с сообщением, и тогда маман надевала одно из своих лучших платьев и уезжала в роскошной карете графа.

Граф кладет локти на стол, и его лицо оживает в лучах солнца. Это широкоплечий, грузный мужчина, старше Фурнье, с маленьким подбородком, большим носом и ярким румянцем.

– Он что, сын Августы? – спрашивает граф. – Этот мальчик? Вы уверены? Абсолютно уверены?

– Абсолютно уверен. Несмотря на грязь и лохмотья.

– Как он здесь оказался?

– Он убежал и пошел к их старой служанке. Она привела его несколько минут назад.

– Итак, он был со своей матерью, когда…

Фурнье не дает графу договорить:

– Не имею представления. Когда мальчик появился в доме старухи, то был весь в крови.

– Нам необходимо установить, что произошло. Это имеет первостепенное значение. А где та служанка? Ей наверняка что-то известно.

– Она убежала, как только мы вошли в ворота дома.

Мужчины разговаривают так, будто Чарльза тут нет. Он мог бы быть невидимым. Или вообще не существовать. Он не в силах осмыслить эту идею. Тем не менее она ему почему-то нравится.

– Подойди ко мне, мальчик, – говорит граф.

Чарльз подходит к письменному столу. Останавливается, старясь держаться очень прямо.

– Что в ту ночь произошло в вашем доме? В ту ночь… когда ты убежал? – (Чарльз молчит.) – Не стесняйся. Терпеть не могу робких мальчишек! Отвечай! Кто еще там был? Я должен знать.

– Женщина объяснила, что он просто не хочет говорить, – вмешивается Фурнье. – Само собой, нет никаких причин для молчания. Он вполне способен нормально говорить. Я отлично помню, как он болтал без умолку.

– Отвечай! – понимаясь с кресла, рявкает граф. – Ты будешь отвечать?

По щекам Чарльза струятся слезы. Он упорно молчит.

Фурнье переносит тяжесть тела с левой ноги.

– Пусть парень немного освоится, – предлагает он. – И нужно показать его Голису.

– У нас нет на это времени, – возражает граф и раздраженно добавляет: – В любом случае это вовсе не какой-то там парень. Его зовут Чарльз. И я должен знать. – Он знаком велит мальчику подойти поближе и внимательно вглядывается в его лицо. – Скажи, ты был там? Ты видел, что случилось с…

– Друг мой, полагаю, это…

Граф отмахивается о Фурнье:

– Ты видел, что случилось с твоей матерью? Ты видел, кто к вам приходил?

Чарльз смотрит на пистолет на стопке бумаг. Интересно, он заряжен? Если взвести курок, приставить пистолет к голове и нажать на спусковой крючок, сможет ли это положить всему конец? Включая его собственное существование?

– Для нас крайне важно, чтобы ты нам сказал, – поднимает голос граф. – Это вопрос жизни и смерти. Отвечай, Чарльз. Кто там был?

Но Чарльз по-прежнему думает о пистолете. Если он застрелится, отправит ли святой Петр его сразу в ад? Или там вообще ничего не будет – лишь великая пустота, где совсем нет людей, ни живых, ни мертвых?

– Ой, ради всего святого! – рявкает граф, и Чарльз съеживается, будто от оплеухи. – Ну ладно, очень хорошо. – Граф звонит в колокольчик у него за спиной. – Мы побеседуем с ним, когда он преодолеет эту нелепую робость. Пусть сейчас кто-нибудь о нем позаботится и накормит его.

Фурнье кладет руку на плечо мальчика:

– Но что будет потом? Если мы отсюда уедем?

– Тогда он поедет с нами. – Месье де Кийон склоняется над бумагами. – Само собой разумеется.

Глава 3

Чарльза отдали на попечение пожилой полуслепой женщины. Она живет в комнате под крышей над кухонным крылом. Там есть дверной проем в комнату поменьше, с зарешеченным окном. Тут и спит Чарльз.

На вторую ночь ему снится страшный сон, и он мочится в постель.

На третий день его вызывает к себе месье Фурнье. Он в гостиной с видом на большой внутренний двор Отеля де Кийон.

Кроме месье Фурнье, в гостиной находится доктор Голис. Еще один господин, навещавший маман в прежние времена. Он молодой и сутулый. Немец из Ганновера. У него холодные руки.

Доктор говорит по-французски с сильным немецким акцентом. Он спрашивает Чарльза, как его зовут, но Чарльз не отвечает. Он спрашивает Чарльза, сколько ему лет. Затем повторяет те же вопросы по-английски и по-немецки, а Чарльз смотрит в окно на сорняки во дворе и представляет, как слова, точно испуганные птицы, поднимаются в небо.

Доктор Голис осматривает Чарльза, проверяет его зубы и тычет указательным пальцем в живот. Заходит Чарльзу за спину и хлопает в ладоши, отчего тот вздрагивает.

– Не вижу физической причины для его немоты. Все совершенно нормально, – заявляет он. – Вы сказали, он ест и испражняется. Я, конечно, могу пустить ему кровь и дать слабительное, хотя сомневаюсь, что это поможет.

– Он пережил ужасный шок, – внезапно улыбнувшись Чарльзу, говорит Фурнье. – Могло ли это повлиять на его способности и сделать немым?

– Действительно, сэр. Возможно, все обстоит именно так. Если ваша гипотеза справедлива, то, следовательно, лучшим способом лечения может стать другой шок. Если первое потрясение лишило его способности говорить, то второй шок может ее восстановить.

– Говорят, прошлой ночью он намочил постель.

– Неужели? А его выпороли за это?

– Не знаю.

– Если подобное повторится, настоятельно советую это сделать. Для его же блага. Он ничего не добьется без должной дисциплины.

– Благодарю вас, доктор, – секунду помолчав, говорит месье Фурнье. – Не хочу вас больше задерживать.

Доктор Голис кланяется и покидает комнату. Он не смотрит на Чарльза, который по-прежнему стоит возле окна.

Когда дверь закрывается, Фурнье открывает бюро, достает из одного ящичка лист бумаги, а из другого – перо. Кладет на откидную доску бюро и снимает крышку с чернильницы. Затем ставит перед бюро позолоченный стул:

– Садись, мой дорогой мальчик. Возьми перо.

Чарльз послушно садится и без дальнейших просьб макает перо в чернила.

– Хорошо, – хвалит его Фурнье. – Твоя мать говорила мне, что ты способный ученик. Прошу тебя, напиши свое имя.

Чарльз кивает. Он начинает писать. Перо царапает плотную бумагу.

– А теперь напиши мое имя.

Чарльз пишет.

– Отлично! А теперь напиши имена тех, кто посещал твою мать в вашем доме на улице Ришелье.

Перо снова приходит в движение. Кончик пера щекочет Чарльзу подбородок.

Месье Фурнье подходит к Чарльзу и останавливается рядом с его плечом.

– Позволь мне посмотреть, что ты написал.

Чарльз отдает ему лист бумаги, чернила еще не высохли. В качестве ответа на каждую просьбу Чарльз нарисовал линии, идущие вверх и вниз, поперек и по диагонали. Черные отметины на белой бумаге, не раскрывающие вообще ничего. Просто черные линии, и все.

На следующее утро Чарльз просыпается с рассветом. Еще не успев разлепить глаза, он слышит шуршание и шорохи. Это, должно быть, мыши и крысы, которые ходят, где хотят, и хозяйничают тут, как у себя дома. Он открывает глаза.

Внезапно у него схватывает живот, как будто от удара. Он делает судорожный вдох и садится на кровати.

Возле окна стоит какой-то мальчик, очертания его тела отчетливо видны в лучах света, просачивающегося сквозь щели в ставнях. Ростом он меньше Чарльза и стоит спиной к комнате, очень прямо и совершенно неподвижно. Плечи у него расправлены, как у солдата на параде.

На мгновение, буквально на сотую долю секунды, Чарльз испытывает прилив радости. Он теперь не один.

Впрочем, радость тут же проходит. Чарльз шевелит губами, складывая слова: «Ты кто?» Слова получаются беззвучными, и незнакомый мальчик их не слышит.

Теперь Чарльз не только взволнован, но и напуган. Он спускает ноги с кровати.

Мальчик стоит неподвижно.

Доски пола холодные. Сквозняк пробирается по ногам Чарльза под ночную рубашку. Он дрожит, и от страха тоже.

Он делает шаг к окну, в сторону незнакомого мальчика. А потом еще шаг и еще один. После каждого шага – продолжительная пауза. Это похоже на игру, в которую Чарльз играл со своей матерью, когда был совсем маленьким.

Странный мальчик даже ухом не ведет. Шаг за шагом Чарльз подходит все ближе. Мальчик по-прежнему не шевелится. Он превратился в камень, думает Чарльз. Он статуя. Чарльз испытывает жалость, хотя отлично понимает, что мальчик не может превратиться в статую. Если он действительно окаменел, это наверняка даже хуже, чем стать немым.

Чарльз делает глубокий вдох и трогает мальчика за плечо. Оно холодное, слегка сыроватое и твердое – твердое, как дерево, но не как камень. Чарльз обходит мальчика и открывает ставню. Свет из окна падает на его лицо.

А скорее, свет падает на то место, где должно быть лицо.

Глазницы мальчика пустые. И дыра на том месте, где должен быть нос. Щеки запали. Губ практически нет. Но часть зубов сохранилась. Мальчик ухмыляется. Он будет вечно ухмыляться, ибо ни на что другое вообще не способен.

Чарльз издает протяжный, дрожащий вздох. Черты его лица искажаются, изо рта вырывается безмолвный крик.

Скрипит дверь. В комнату врывается поток холодного воздуха.

На пороге стоит доктор Голис.

– Вижу, ты нашел моего маленького друга. Его зовут Луи, – произносит доктор своим странным хриплым голосом и, продолжая говорить, приближается к Чарльзу, который не в силах пошевелиться. – Кто знает, кем был этот мальчик? А тебе известно, что до революции бедняки находились в столь безвыходной ситуации, что отправляли своих детей в тюрьму… продавали их прямо на улице… вышвыривали из дома, словно паршивых котят?

Чарльз пристально смотрит на доктора через плечо Луи, всем сердцем желая, чтобы тот оказался живым и ему, Чарльзу, не пришлось бы оставаться наедине с доктором.

– Но даже мертвые мальчики могут стоить несколько су. Хотя при жизни были абсолютно бесполезны для общества. И все же после смерти некоторые счастливчики получают шанс послужить высокой цели.

Теперь доктор Голис находится прямо за спиной Луи. Доктор рывком распахивает вторую ставню, яркий свет заливает Луи. Увидев, что с ним случилось, Чарльз в ужасе закрывает рот рукой.

– Итак, его родители взяли деньги и напились до беспамятства в ближайшей винной лавке, – продолжает доктор. – Мальчика забирает некий ученый муж. – Доктор протягивает необычно длинную руку и берет Луи за запястье. – Мертвого мальчика. Ученый муж передает мальчика другому человеку – человеку, владеющему искусством сдирать кожу с покойников. Можешь мне поверить, это требует особого мастерства. Просто содрать кожу – это одно дело, а вот содрать ее, не повредив то, что под ней, – совсем другое.

Доктор отпускает запястье Луи, проводит кончиками пальцев по руке мертвого мальчика, ласково гладит ее, постепенно переходя от запястья к локтю, затем к плечу и наконец тычет в какое-то место на его шее.

– Вот видишь? Здесь проходит большая артерия, по которой кровь поступает к сердцу. Это кость, вот здесь, а тут плечевая кость, а тут у нас лопатка. – Рука доктора поднимается выше. – Обрати внимание на скулу. Видишь, как часть кожи до сих пор обтягивает скулу? Человек, который это сделал, был настоящим художником.

Доктор опускает руку и внезапно хватает Чарльза за шею. Чарльз пытается вырваться, но доктор усиливает хватку. У него рука холодная, как у покойника, холоднее, чем у мальчика с ободранной кожей.

– А теперь рассказать тебе, что было после того, как с мальчика сняли кожу? Его покрыли гипсом, с головы до ног. Высохший гипс разрезали – и в результате получился слепок тела мертвого мальчика. А когда есть слепок, можно делать множество копий. Копии раскрашиваются, в нашем случае – другим художником, обученным рисовать внутренности и раскрывать тайны того, что находится под кожей. Ты заметил, что мышца, сухожилие и кость имеют естественный цвет? Ну разве это не чудо?

У доктора ужасно сильная хватка. Он заставляет Чарльза обойти мальчика и приблизиться к нему вплотную со стороны спины.

– Эти жалкие подобия людей называются экорше[1], – говорит доктор Голис. – Те, что с ободранной кожей. Разве не забавно? Они помогают студентам, изучающим медицину и живопись, узнавать внутреннее строение человеческого тела. Смотри.

Он берет Чарльза за правую руку. Чарльз мысленно приказывает себе не сопротивляться и не вырываться. Доктор заставляет его вытянуть указательный палец и провести по позвоночнику экорше.

– Здесь находятся шейные позвонки, – сообщает Голис. – А ниже, посередине позвоночника, расположены грудные позвонки. Обрати внимание на естественный изгиб позвоночника. Не правда ли, очень элегантный? А еще ниже находятся поясничные позвонки. Они гораздо больше шейных. Они и должны быть такими, поскольку нагрузка на них куда более значительная. – Доктор нагибается к Чарльзу, и теперь их глаза на одном уровне. – Ты видишь? Теперь ты никогда не забудешь этот урок, да? По крайней мере, пока живешь на этом свете. Ты всегда будешь помнить, что скрыто под кожей.

Он вглядывается в лицо Чарльза. А тот тоже смотрит на доктора и ни о чем не думает, разве что о пасмурном сером небе за окном.

---

[1] *Экорше* – учебное пособие, скульптурное изображение фигуры человека или животного, лишенного кожного покрова, с открытыми мышцами. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Кроме того, ты должен извлечь из этого определенный урок. Запомни, что мальчик, совершенно бесполезный при жизни, может, по крайней мере, быть полезен после смерти. – Доктор Голис отпускает шею Чарльза и толкает на экорше. – Для нас ты совершенно бесполезен, пока не начнешь говорить. – Доктор направляется к двери, но на пороге останавливается и добавляет: – На твоем месте я бы хорошенько его изучил. Если не вернешь себе голос, то в один прекрасный день сам станешь таким.

Глава 4

Вечером накануне того дня, когда пришло письмо, Сэвилл думал об Августе. Он не вспоминал о ней месяцами, возможно, годами. Стояли самые жаркие летние дни. Быть может, этим и объяснялись непрошеные мысли, ибо жара порождала нездоровые желания. Длинный шрам на правой щеке начал чесаться.

Перед тем как лечь спать, Сэвилл раздвинул полог кровати и распахнул окно. В нос шибануло вонью выгребной ямы во дворе внизу. Дома на Найтингейл-лейн были построены еще во времена доброй королевы Бесс, и канализация была такой же древней.

Впрочем, не только жара не давала уснуть. У Сэвилла болел зуб. Невыносимая боль пронзала правую сторону челюсти, впиваясь цепкими щупальцами в корни соседних зубов. Сэвилл принял болеутоляющие капли. Но они не дали спасительного забытья, а, наоборот, приковали тело к постели, при этом взбудоражив рассудок и заставив скользить по поверхности сна.

Лондон никогда не спал, даже в самую глухую ночь. Сэвилл слышал бой часов, крики пьяных прохожих, раскатистый стук копыт и громыхание повозок, доставлявших по ночам груз в Смитфилд и Ковент-Гарден.

Жара разогрела рождавшиеся в мозгу фантазии до аномальной температуры, возродив почти похороненные фантазии о другой жаркой ночи. В тот вечер он обедал с коллегами по Американскому департаменту и поздно вернулся на свою съемную квартиру на левой стороне Хилл-стрит. Первый совместный дом его и Августы. Квартира оказалась слишком дорогой для них, зато адрес приличный. К тому же, по словам Августы, высокого положения можно было достичь, лишь продемонстрировав обществу подобающий стиль жизни и соответствующую жену.

Августу он нашел в спальне: она сидела на оттоманке у изножья кровати. На каминной полке горели две высокие свечи. В углах комнаты, где сгустилась тьма, шевелились тени. Тем не менее Августа была окутана мягким золотым сиянием.

Она надела белую ночную рубашку с широким вырезом, не скрывавшим гладкие плечи, и распустила волосы. Она улыбнулась мужу и подняла руку. От резкого движения ночная рубашка соскользнула с плеч. Он увидел холмики ее грудей и темную впадину между ними.

Именно так все и было на первых порах их супружества. Сэвилл наслаждался контрастом между Августой дневной и Августой ночной: первая была чопорно элегантной, амбициозной до безжалостности, расчетливой и при этом до нелепого глупой, вторая же воплощала в себе все то, что мужчина желает найти в постели, и даже больше. И когда Сэвилл разлюбил жену, что случилось довольно быстро, она все равно сохраняла способность вызывать у него вожделение.

– У меня разыгрался любовный аппетит, – сказала она той ночью, оседлав мужа, сжав его бедра пятками и погладив раздувшийся живот с лежавшей в утробе Лиззи. – И ты должен меня насытить.

Возбуждение тотчас же улетучилось, оставив после себя привкус горечи, разочарования, смешанного с мучительной зубной болью. От капель в голове все плыло, ужасно болел живот. Глаза были словно засыпаны песком. Он чувствовал тошноту, но не хватало сил встать с кровати и найти ночной горшок.

В такие моменты, во время длинных бессонных ночей, Сэвилл начинал сомневаться, а не было ли в том, что произошло, и его вины. Надо же, какой вздор! Воспоминания были не настоящими, говорил он себе. Ведь это практически сны наяву. А в снах нет ничьей вины, ни ее, ни его, и нет никаких предательств.

Ибо разве мы не невинны, когда видим сны?

На следующее утро, когда Сэвилл завтракал с сестрой и Лиззи, слуга принес письмо. Письмо было франкировано услужливым членом парламента для экономии почтовых расходов. Сэвилл сломал толстую печать. Развернув письмо, он сразу же узнал почерк отправителя – человека, водившего близкое знакомство со многими членами парламента.

Сестра и дочь наблюдали за Сэвиллом. Он дважды прочел письмо. В голове тут же возникло множество вопросов. Впрочем, он давным-давно научился сохранять невозмутимое выражение лица, не выдавая своих чувств.

– Сегодня я не смогу с вами пообедать. Мне придется уехать из города по делам. – Увидев явное разочарование дочери, он добавил: – Завтра. У нас всегда есть завтрашний день.

Но почему сейчас? Почему вызов в Варделлс, а не в Вестминстер? Ну и наконец, почему он, Сэвилл, так срочно понадобился Рэмптону?

– Она умерла.

В двенадцати футах над головой Сэвилла изгибались гипсовые путти[2]. По паре в каждом углу гостиной. Каждая пара близнецов скована цветочной гирляндой. У малышей были короткие, пухлые конечности и упитанные, словно раздутые, тела, впадины вместо незрячих глаз и слегка приоткрытые губы.

Только дай время, думал Сэвилл. Он представил, как позолота и побелка потускнеют и растрескаются, закоптятся от пламени свечей, а гипс раскрошится и осыплется с потолка снежными хлопьями.

– Вы меня слышали, сэр? – спросил мистер Рэмптон.

Пробили напольные часы. Сэвилл сосчитал удары: пять.

– Умерла, – уже громче повторил мистер Рэмптон. – Августа умерла.

Сэвилл медленно перевел взгляд на мраморную каминную полку. Там стоял бронзовый мужчина со вздувшимися мускулами; одной рукой он удерживал вставшую на дыбы лошадь, а другой махал кому-то или чему-то. Ради всего святого, и зачем все это нужно?

Мистер Рэмптон кашлянул:

– Августа. Моя племянница, сэр.

Сэвилл поднял на него глаза:

– Моя жена, сэр.

Молчание повисло в воздухе, точно пыль. Сэвилл посмотрел на Рэмптона, сидевшего в глубоком кресле с подголовником слева от камина. Кресло было повернуто так, чтобы на него падал свет из двух высоких окон. Возле кресла стоял пюпитр на колесиках со свечами по обе стороны от наклонной доски, на которой лежала толстая книга в одну четверть листа; открытые страницы книги удерживались зажимами.

Рэмптон поскреб левой рукой по подлокотнику кресла. Морщинистое лицо Рэмптона все еще оставалось румяным, что создавало видимость хорошего здоровья. Казалось, он сделался ниже ростом. Возможно, чем богаче он становился, тем больше усыхало его тело. «Господь дал, Господь и взял»[3], – любил говорить отец Сэвилла.

– Ну да, мистер Сэвилл. Как-никак, эта достойная сожаления женщина – ваша жена, – произнес Рэмптон. – И мы не можем не скорбеть, что она наконец умерла. Нам не следует ее судить. Предоставим это высшим силам.

Рэмптона никто не рискнул бы назвать крупным мужчиной, однако он сумел с толком распорядиться тем, что получил от природы. Он предпочитал неброские серые сюртуки и рубашки из очень тонкого льняного полотна. Он не носил парика, но по-прежнему припудривал волосы. Своего рода политическое заявление в эпоху перемен: публичная демонстра-

[2] *Путти* – в архитектуре декоративные изображения маленьких мальчиков, часто обнаженных и крылатых.

[3] Иов. 1: 21.

ция приверженности старым добродетелям и старым верованиям. Каблуки его башмаков были несколько выше, чем каблуки обычной мужской обуви. Он казался настоящим государственным мужем, хотя и несколько мелкотравчатым. Точнее и не скажешь.

– Несчастная женщина, – продолжил он. – Увы, она заплатила свою цену за то, что попрала законы Божьи и человеческие.

Прямоугольник безоблачного неба за ближайшим к Сэвиллу окном был ярко-синего цвета. На заднем плане мелькали какие-то черные крапинки, которые с невероятной быстротой проносились мимо, ныряя и взмывая ввысь. Это ласточки начали свои вечерние упражнения. Скоро они исчезнут, как происходит из года в год, хотя кто знает, куда они улетают.

– Эти проклятые ласточки… Вы даже не представляете, какую грязь они разводят на террасе. – Рэмптон тоже смотрел в окно; он тоже был рад предлогу на время забыть об Августе. – Они гнездятся под стрехами крыши или на конюшне. Я три года пытался от них избавиться. Но где бы они ни гнездились, в качестве отхожего места они выбрали именно мою террасу.

– Где? – спросил Сэвилл.

– Что? – Рэмптон отвернулся от окна; он перестал разглядывать ласточек, переключившись с одной неприятной темы на другую. – В Париже. Глупая, глупая девчонка.

– Как вы об этом узнали, сэр?

– Через посольство. Это случилось чуть больше недели назад.

– Когда толпа штурмовала Тюильри?

– Да. Судя по всему, весь Париж оказался во власти бунтовщиков. Погромы, резня, хаос. Уму непостижимо, сэр, как столь культурный город мог так низко пасть. Несчастный король и вся его семья стали пленниками. Скажите, когда в последний раз Августа давала о себе знать?

– Пять лет назад, – ответил Сэвилл. – Чуть больше. Я получил от нее письмо. С просьбой выслать ей денег.

– И вы выполнили ее просьбу?

– Да.

– В этом не было необходимости, – буркнул Рэмптон.

– Возможно, и не было. Но я это сделал.

– С другой стороны, – сказал Рэмптон, – быть может, все вышло даже удачно. Ведь иначе ей пришлось бы вернуться в Англию.

– То есть вы хотите сказать, что тогда она осталась бы в живых?

– А разве так было бы лучше? Для нее или для всех остальных? Для Элизабет? Ведь вы при всем желании не приняли бы Августу обратно, да и ни в одном приличном доме ее тоже не приняли бы.

За эти годы Рэмптон успел лишиться всех зубов. И в результате у него изменился голос. В свое время он был очень отчетливым и резким: каждый согласный звук был словно вытесан из камня. А теперь слова вылетали из его рта потоком смазанных звуков. У Рэмптона наверняка имелся зубной протез, однако старик не потрудился надеть его ради Сэвилла.

– В последний раз она написала мне из Женевы. Она рассталась с фон Штрайхером, хотя ради приличия сохранила его фамилию. – Сэвиллу было неприятно произносить эти слова, но лишь потому, что они задевали его гордость. – Она писала, что поселилась в доме одной ирландской дамы и они планируют набрать учеников.

– Учеников? Но вы ей не поверили?

– Я не знал, чему верить. В любом случае это было не важно. Для меня имело значение лишь то, что она находилась в Женеве и нуждалась в деньгах.

– Поскольку она к вам больше не обращалась, нетрудно предположить, что она нашла деньги где-то еще.

– Каковы обстоятельства ее смерти? – Голос Сэвилла слегка охрип от волнения. – Как долго она жила в Париже? И с кем?

– Она жила там несколько лет. Полагаю, после расставания с фон Штрайхером она одаривала своей благосклонностью многих джентльменов. Однако я так и не смог установить, находилась ли она на момент смерти под чьим-либо покровительством. Боюсь, она была убита во время беспорядков. Насколько я понимаю, на дом, где она укрывалась, напали санкюлоты.

– Она была там одна?

– Думаю, да. – Рэмптон взял с пюпитра очки и медленно повертел в руках. – Видите ли, хотя Августа и носила немецкую фамилию, все знали, что она англичанка. Поговаривали, будто она шпионка и ей пришлось покинуть прежнее место жительства из страха, что ее найдут повстанцы или полиция.

– А это действительно так?

– Что она была шпионкой? – Рэмптон пожал плечами. – Нет, насколько мне известно. Разве сейчас это имеет значение?

Оправа очков, которые Рэмптон вертел в руках, треснула, и он удивленно уставился на поломку. В разговоре возникла секундная пауза, после чего Рэмптон поспешно продолжил:

– Насколько я понимаю, ее ударили ножом. По крайней мере, быстрая смерть. Ну а дом разграбили.

Сэвилл отвернулся, чтобы скрыть выражение своего лица. Он вспомнил, какой была Августа, когда впервые увидел ее у мистера Рэмптона в Вестминстере. Ей только-только минуло семнадцать. Даже тогда она отличалась холодной красотой, но от ее взгляда у мужчин закипала кровь. Лед и пламя.

– Мы должны смотреть вперед, – продолжил Рэмптон. – И хотя, сэр, повод для нашей встречи весьма печальный, мне кажется, я должен вас поздравить.

Сэвилл уставился на Рэмптона во все глаза:

– Что?

– Вы наконец-то свободны, сэр. И, если захотите снова жениться, для вас больше нет никаких препятствий. Столь затруднительная ситуация, чистилище, в котором вы оказались… Вам наверняка пришлось нелегко.

Что было чистой правдой. Августа дала Сэвиллу все основания для развода, демонстративно убежав на континент со своим немецким любовником, когда сам Сэвилл находился в Америке, за три тысячи миль от жены. Но развод был роскошью, которую могли позволить себе лишь очень состоятельные мужчины, даже если пострадавшей стороной являлся обманутый муж.

– Смерть Августы подведет черту под вашим печальным романом, – заметил Рэмптон.

– Она была моей женой, сэр. И это не просто роман.

Рэмптон развел руками:

– Мой дорогой сэр, я ни в коей мере не собирался проявить неуважения к усопшей. – Он сложил руки на колене. – Боюсь, я вел себя не слишком деликатно. Вы, несомненно, испытали шок. Может, бокал вина? Чашечку чая?

– Благодарю вас, но нет. Лучше расскажите мне всю историю до конца.

– Я до сих пор не знаю подробностей. Но, как мне передали, кто-то сообщил о смерти Августы ее другу, месье Фурнье, а он в свою очередь связался с посольством. Все было сделано должным образом, что само по себе может служить утешением. Смерть зафиксировал лечащий врач. Нотариус составил официальную бумагу с подписями свидетелей, подтверждающую обстоятельства ее кончины.

Сэвилл посмотрел в окно. Ласточки по-прежнему парили в небе, но уже дальше от дома.

Словно обугленные листья над костром, подумал Сэвилл. Погребальным костром.

Рэмптон прочистил горло:

– Мне доставит огромнейшее удовольствие, если вы останетесь на обед.

– Благодарю вас, но мне пора возвращаться в Лондон.

– Вы еще успеете, – возразил Рэмптон. – А кроме того, нам нужно обсудить кое-какие вопросы, что, возможно, займет определенное время. – Рэмптон сделал паузу и, не дождавшись ответа, продолжил: – Имеются документы, о которых я уже говорил. Нотариальное заявление и свидетельство о смерти.

– Если бумаги у вас, то я возьму их прямо сейчас, – сказал Сэвилл. – А если нет, то, быть может, вы мне их потом вышлете. Мой адрес вам известен. Найтингейл-лейн, рядом с Бедфорд-сквер.

– Бумаг у меня нет. Они у месье Фурнье. И в его распоряжении есть кое-что еще, что может вас заинтересовать.

– Сомневаюсь. – Сэвилл поднялся с кресла. – Меня не интересуют вещи моей покойной жены.

– Тут дело куда более деликатное, чем может показаться на первый взгляд. Именно поэтому я и пригласил вас не в Лондон, а сюда, в Варделлс. – На лице Рэмптона неожиданно появилась сладкая улыбка. – У Августы был сын.

Глава 5

– Этот шрам на вашей щеке из Нью-Йорка… Вот уж не думал, что рана будет так долго заживать, – заметил Рэмптон, когда они сели за стол. – Очень сильно болит?

– Совсем не болит, – ответил Сэвилл. – Ведь с тех пор столько воды утекло.

– Счастлив слышать это, сэр.

Рэмптон распорядился опустить шторы и зажечь свечи, и Сэвилл больше не видел ни ласточек, ни синего неба. Даже в деревне Рэмптон старался соответствовать своему высокому статусу. За столом прислуживали два лакея. Еда была хорошей, а вино выше всяких похвал. Присутствие лакеев вынуждало придерживаться общих тем в застольных разговорах.

– А как поживает ваша маленькая дочурка? – спросил Рэмптон, оторвав Сэвилла от восхитительного фрикасе из курицы.

– Лиззи? – Сэвилл окинул взглядом стол. – Ваша крестница находится в добром здравии, сэр. Но она уже отнюдь не такая маленькая.

– Хорошо-хорошо. – Рэмптон кивнул с таким видом, будто вполне мог поставить себе в заслугу отменное здоровье Лиззи, но из скромности отказался от этого права. – А она похожа на мать?

– Да. Внешне. Хотя черты лица мягче, нежнее.

– Лишь бы она не унаследовала материнский характер. Давайте помолимся, чтобы этого не случилось. – (Сэвилл промолчал.) – Ее мать была очень красивой в этом возрасте. Если Элизабет пошла в нее, то у девочки будет много поклонников. Осмелюсь предположить, что она скоро достигнет брачного возраста и выйдет замуж.

– Если захочет, сэр. Если найдет мужчину, который ей понравится.

– Мой вам совет, сэр. Уговорите ее сделать это как можно раньше. – Рэмптон промокнул губы салфеткой. – Хотя, конечно, дело это крайне дорогостоящее. Я имею в виду замужество. Как ни крути. – С этими словами Рэмптон переключился на каре ягненка.

Хозяин дома явно чего-то не договаривал. В воздухе витала тень недосказанности.

– Теперь это ваша основная резиденция, сэр? – спросил Сэвилл.

– К сожалению, нет. Я в основном нахожусь в Вестминстере. Хотя должен признаться, что предпочел бы обратное. Деревенская жизнь пришлась мне по вкусу. Конечно, это всего лишь коттедж. Да и земли тут не больше пятидесяти акров. Однако при моих скромных потребностях мне вполне хватает. Я сейчас пристраиваю крыло, чтобы разместить библиотеку со спальнями наверху, откуда открывается прекрасный вид на сад. А весной я займусь дальнейшим благоустройством: уничтожу старые живые изгороди и снесу фермерские постройки западнее подъездной дорожки. Тогда все будет идеально.

Это такой же коттедж, подумал Сэвилл, как я единорог. Со времени его последнего визита дом претерпел существенные изменения. Теперь прилегающие земли находились в процессе перепланировки. С восточной стороны от подъездной дорожки раскинулась большая зеленая лужайка, ведущая к небольшому озерцу, которого раньше здесь не было. Что касается дома, то новое крыло увеличит его площадь по крайней мере вдвое. Работы были почти закончены. Как раз сегодня днем плотники вставляли в библиотеке французские окна, выходившие на террасу.

– Значит, вы поселитесь здесь после выхода в отставку, сэр?

– Выхода в отставку? – улыбнулся Рэмптон. – Сомневаюсь, что мое начальство позволит мне это сделать. По крайней мере, не сейчас, когда во Франции продолжается смута. Бог знает, сколько она продлится. Честно говоря, сэр, не вижу никаких признаков ее окончания.

– Так вы сомневаетесь, что король и Национальный конвент могут прийти к согласию?

На губах Рэмптона по-прежнему играла улыбка.

– Это будут решать люди поумнее нас с вами. – Он плавно сменил тему разговора. – Но когда я действительно уйду в отставку, то буду счастлив перебраться сюда.

– А вам не будет здесь слишком скучно?

– Ни в малейшей степени. У меня, естественно, будут мои книги, и я подумываю о том, чтобы стать фермером. – Рэмптон поманил пальцем слугу, и тот мгновенно вышел из тени, чтобы наполнить бокал Сэвилла. – Я купил две или три арендные фермы неподалеку. Хочу взять их в свои руки. Итак, тост, сэр. За вашу Элизабет. Выпьем за то, чтобы она нашла себе мужа, который устроит вас обоих.

Сэвилл выпил. В свою бытность государственным служащим он успел изучить повадки мистера Рэмптона не хуже собаки, знавшей привычки хозяина. Рэмптон не вел пустых разговоров за обеденным столом. И сейчас явно добивался от собеседника полного взаимопонимания.

– Я богат, – заявил Рэмптон. – Ко мне прислушиваются влиятельные люди. Поэтому с вашей стороны было бы разумно оказать мне любезность. Ради блага вашей дочери, да и вашего тоже.

Слуги с неестественной почтительностью убрали скатерть, поставив на стол вино, орехи и фрукты. Затем Рэмптон знаком отослал их прочь. Теперь гость и хозяин сидели рядом.

Сэвилл надкусил грецкий орех, и челюсть сразу пронзила острая боль. Он вздрогнул, но сумел сдержать крик. Нужно срочно найти время, чтобы вырвать больной зуб. Но правда состояла в том, что он становился самым настоящим трусом, когда дело касалось лечения зубов.

– Тост, сэр, – сказал мистер Рэмптон.

Сэвилл отодвинул тарелку и с облегчением взял бокал вина. Они выпили за здоровье его величества. Затем, не глядя друг другу в глаза, помянули Августу. Разговор прервался.

– Его зовут Чарльз, – отрывисто произнес Рэмптон с таким видом, будто Сэвилл ему возражал. – Ему, должно быть, сейчас десять или одиннадцать лет. Около того.

– Вам известно, кто его отец?

Рэмптон хрустнул костяшками пальцев. В свое время это было признаком того, что он ведет некие подсчеты в уме; подчиненные смеялись над этой манерой хрустеть пальцами, хотя исключительно у начальника за спиной.

– Мне не удалось выяснить. Думаю, к тому времени Августа рассталась с тем баварским господином и переехала в Рим. Но моя информация весьма неточная.

– А Чарльз говорит по-английски? – спросил Сэвилл.

– Об этом я как-то не задумывался. Полагаю, если мальчик родился в Италии и последние несколько лет провел во Франции… – Рэмптон отвернулся и уставился на свой портрет, затем продолжил уже более спокойным тоном: – Впрочем, в его возрасте знание языка вряд ли имеет значение. Ум ребенка похож на губку. Он удивительно быстро впитывает в себя все, что вы заложите ему в голову.

– Если отца невозможно найти, то о мальчике наверняка позаботятся друзья его матери. Где он сейчас находится?

– Как только в посольстве узнают хоть что-нибудь, мне сразу же сообщат.

– Он не имеет ко мне никакого отношения, – громче, чем ему хотелось бы, сказал Сэвилл. – Это незаконнорожденный ребенок Августы.

– Прошу вас, чуть тише, сэр. Если не хотите, чтобы весь мир узнал о ваших делах.

– Но это вовсе не мои дела. В чем я глубоко убежден.

Рэмптон снова налил им вина.

– Закон гласит обратное. Августа на момент смерти считалась вашей женой. Вы с ней не были разведены. Насколько я понимаю, она даже не оставила завещания, что делает вас ее наследником. Личность отца ребенка неизвестна и, скорее всего, никогда не будет установлена.

Таким образом, мы имеем один из тех случаев, когда закон и здравый смысл подсказывают нам то же самое, что и долг истинного христианина. Вы несете ответственность за этого мальчика.

– Глупости!

К удивлению Сэвилла, Рэмптон улыбнулся:

– Не сомневался, что вы именно так и скажете. И в таком случае, мой дорогой сэр, позвольте предложить вам решение сей деликатной проблемы.

– Вы можете предлагать мне все, что вам будет угодно, сэр. Меня это не касается.

Рэмптон наклонился поближе к Сэвиллу:

– А что, если я возьму мальчика себе?

Глава 6

Чарльзу снится мальчик по имени Луи.

Он, Чарльз, лежит в кровати, а Луи стоит у окна. Все примерно так и было, когда в комнату на рассвете вошел доктор Голис. Но в своем сне Чарльз уже знает, что того мальчика зовут Луи. А еще он знает, что Луи наг и одинок в этом мире. Все цвета его тела сияют, совсем как витражи в соборе Парижской Богоматери. Кто бы мог подумать, что под кожей Луи столько красок?

Чарльз оглядывает собственное тело. И внезапно обнаруживает, что, несмотря на дневное время, на нем нет одежды. Постельного белья тоже нет. Как и Луи, он лишился большей части кожи. Он видит похожие на веревки артерии, синюю филигрань вен, горбыли мышц, сияющие белые головки костей. Он и сам, без сомнения, стал нагим.

Он тоже стал красивым.

Луи смотрит в окно. Но сейчас он поворачивается, голова ведет за собой все тело. Чарльз видит его разрушенное лицо. Луи улыбается, хотя это не так-то легко понять, поскольку его губы и кожа, а также бóльшая часть тканей лица исчезли.

Он протягивает Чарльзу правую руку. Жест безусловно дружеский. Чарльз пытается улыбнуться в ответ. Впрочем, он думает, что улыбается, поскольку у него тоже нет кожи и губ, и его улыбку, вероятно, трудно распознать.

Чарльз поднимает правую руку. Она кажется перепончатой, словно утиная лапа или капустный лист.

– Привет, Луи, – говорит он.

С каждым днем дом на улице дю Бак избавляется от людей и вещей. А еще дом избавляется от своего невидимого содержания: правил, обычаев, режима. Теперь Чарльз может делать все, что пожелает. У него нет никаких ограничений до тех пор, пока он не пытается уйти.

Слуги потихоньку разбегаются, несмотря на стражу у ворот и дверей, ведущих во внешний мир. В результате работа по дому остается недоделанной: в углу возле парадной лестницы из ведра с грязной водой торчит швабра; в гостиной лишь треть мебели закрыта чехлами, а вдоль стены рядом с упаковочными материалами стоят картины и предметы декора.

Дом сползает в туманное, непредсказуемое будущее, совсем как сам Чарльз. Он бродит из комнаты в комнату, из зала в холл, с чердака в подвал, нередко сбиваясь с пути. Старуха, которую к нему приставили, похоже, куда-то пропала. Неожиданно для себя он понимает, что не видел ее много дней. Возможно, она умерла.

Само время теряет привычные вехи: часы дня, дни недели. В доме много часов, но никто не берет себе за труд завести их или перевести стрелки. Итак, время распадается на мельчайшие отрезки, а очень скоро времени и вовсе не станет.

Теперь, когда старуха больше не приносит еду, Чарльзу приходится самому добывать себе пропитание. Он находит дорогу в сводчатые помещения кухни с погребами, расположенными под улицей.

В городе, за воротами дома, люди голодают. Здесь же хранится столько еды, что никому не под силу все это потребить. Тут есть овощи, сгнившие до коричневой жижи; куски мяса, посеревшие и кишащие опарышами; лари с мукой, которой кормятся мигрирующие популяции насекомых и мелких животных.

Тем не менее в доме еще живут люди, которые готовят и подают еду; ее остатки разбросаны по всей кухне. И даже вода из колонки по-прежнему поступает в судомойню. Однажды Чарльз выпивает целый кофейник холодного кофе, а в другой раз находит полбутылки вина. Вино золотистого цвета, бархатистое и сладкое. Оно вызывает тошноту и действует усыпля-

ющe. Чарльзу снится плохой сон, в котором кровь капает на него с черных небес, испещренных мерцающими желтыми полосами, и он просыпается с головной болью.

Он часами глядит на улицу дю Бак сквозь щели в ставнях на окнах комнаты, в которой раньше жил управляющий. Чарльз смотрит на шляпы и подпрыгивающие головы снующих туда-сюда людей, прислушивается к скрежещущему грохоту колес и громким голосам. Время от времени где-то вдалеке раздаются хлопки, и он думает, что это выстрелы из мушкетов.

Иногда Чарльз сталкивается с аббатом Вире. Старик без устали блуждает по холлам и лестницам, шаркая шлепанцами по мрамору и камню, отчего начинает казаться, будто со стен осыпается штукатурка. Сутана аббата Вире усеяна жирными пятнами.

В прежние времена маман приводила Чарльза к аббату; тот давал мальчику религиозные наставления, обучал математике и знакомил с классическими авторами. В раннем детстве Чарльз считал отца Вире земным воплощением Бога.

Именно поэтому поведение аббата немало удивляет Чарльза. Аббат, похоже, не узнает мальчика. И, как правило, полностью игнорирует его. Священник на ходу читает требник, что-то бормоча себе под нос.

Как-то раз отец Вире застает Чарльза за чтением газеты десятидневной давности в заброшенном пудр-клозете. Старый священник поднимает руку и осеняет своего бывшего воспитанника крестным знамением, нарушая недвижность пыльного воздуха знакомыми словами.

Что касается графа де Кийона, он не покидает своих личных апартаментов, расположенных за парадным залом. Месье Фурнье приходит и уходит. Сталкиваясь с Чарльзом, он обычно спрашивает, как дела и нет ли в чем нужды. Чарльз не отвечает.

– Скоро все будет хорошо, – однажды утром говорит месье Фурнье. – Вот увидишь.

Но Чарльз знает: ничего хорошего больше не будет и он увидит лишь еще больше того, что видит сейчас. И все же это весьма благородно со стороны месье Фурнье – дарить надежду сладкой ложью.

Время от времени они задают Чарльзу вопросы. Фурнье, граф и доктор Голис. Вопросы всегда одни и те же. Что произошло в тот день, когда умерла твоя мать? Ты видел, кто это был? О чем они говорили?

Ничего не говори. Ни слова ни одной живой душе.

Однажды в главный двор, где вдоль трещин между каменными плитами неровными зелеными полосами прорастают сорняки, въезжает повозка. Люди вносят в дом упаковочные ящики и начинают укладывать туда самые разные вещи: картины, статуи, часы и ковры. Некоторые часы по-прежнему тикают. Они заживо похоронены в своих заколоченных гробах.

Оставшиеся слуги, работающие посменно, приносят с чердака дорожные сундуки и чемоданы. И наполняют их книгами, бумагами, одеждой. По дорожке к задней части дома подъезжают еще две повозки под охраной вооруженных людей. А ночью эти повозки, нагруженные более тяжелыми вещами, уезжают. А также и большинство слуг. Отчего дом кажется совсем опустевшим.

По мере того как люди и вещи постепенно исчезают из Отеля де Кийон, Чарльз начинает замечать тот упадок, в котором находится дом: сырые пятна на штукатурке парадного зала, где некогда висели старые гобелены; трещины, змеящиеся по богато украшенному потолку дамской гостиной. В одну дождливую ночь из-за прохудившейся крыши в комнате, соседней со спальней Чарльза, обрушился потолок.

Чарльз не любит ночное время, так как иногда он мочится в кровать. Чаще всего это случается по ночам сразу после очередного допроса.

А когда он мочится в постель, на следующее утро его ждет порка. Он это понимает. Он сделал плохую вещь. Но с тех пор, как исчезла старуха, никто не замечает, что он намочил постель, и это больше не имеет значения.

Однажды ночью в комнату Чарльза приходит доктор Голис и вырывает его из крепких объятий сна. Доктор зажимает подбородок мальчика большим и указательным пальцем. Он держит свечу так, чтобы Чарльз видел его лицо – оранжевое и золотое в свете пламени.

– Ты помнишь моего мальчика-экорше? – спрашивает он. – Неужели тебе хочется стать таким, как он?

Чарльз знает, что мальчика-экорше зовут Луи. Он стоит в гостиной, которую предоставили в пользование доктора в Отеле де Кийон. В отсутствие доктора дверь гостиной запирают на замок.

Одним прекрасным утром Чарльз подглядывает за тем, как доктор, покидая дом, прячет ключ на притолоке дверного проема. Значит, теперь можно тайком навещать Луи. Обычно Чарльз выбирает раннее утро, когда в доме все спят, а доктор еще не явился. Мальчик-экорше стоит возле письменного стола. Чарльз осматривает экорше со всех сторон и щупает собственное тело, чтобы проверить, находятся ли у него под кожей те же самые органы, что и у Луи. Чарльз думает о разговорах, которые они могли бы вести, и об играх, в которые могли бы играть. Ему нравится трогать Луи. Жаль только, что Луи не может потрогать его, Чарльза. Както раз он даже целует Луи в щеку, и ему кажется, будто лицо Луи слегка влажное, словно тот плакал.

Однажды Чарльз не находит ключа на притолоке. Дверь заперта. Доктора Голиса в доме нет.

Но тогда кто же остался? Вероятно, полдюжины слуг, старый аббат и он, Чарльз. Он не помнит, когда в последний раз видел графа, или месье Фурнье, или Луи.

Что со мной будет? Неужели меня оставят здесь совершенно одного? – гадает Чарльз.

А потом наступает ночь, когда все меняется. Прямо перед рассветом доктор Голис будит Чарльза, велит ему одеваться и отводит вниз. В холле их ждет старый слуга с двумя маленькими чемоданами.

Чарльз хочет спросить: «Куда мы едем?» А еще он хочет спросить доктора, что случилось с Луи.

Но Чарльз, конечно, не может говорить. Он не должен говорить.

Ни слова ни одной живой душе.

Глава 7

– Мистер Сэвилл, позвольте представить вам моего секретаря мистера Малборна. – Мистер Рэмптон четко выговаривал слова, поскольку на сей раз надел протез с зубами из слоновой кости. – Мистер Малборн, это мистер Сэвилл.

Мужчины раскланялись. Малборн был стройным джентльменом с правильными, тонкими чертами лица и благородными манерами.

Приехав к Рэмптону, Сэвилл застал обоих мужчин за работой в кабинете. Правая рука секретаря покоилась на перевязи из черного шелка, которую он снимал, когда делал записи.

Получив письмо с приглашением от Рэмптона, Сэвилл снова приехал в Варделлс почти через месяц после своего первого визита сюда. Был конец сентября, и на липах вдоль подъездной дорожки уже опадали листья.

– У мистера Малборна имеется информация о сыне миссис Сэвилл. Похоже, Чарльза привезли в Англию. – Рэмптон дал знак Малборну продолжить рассказ.

– Чарльз живет в деревне с компанией недавно прибывших из Франции эмигрантов, – сказал Малборн. – Убежавших от кровавой резни. Сейчас целый поток таких.

– Где они живут?

– Они сняли дом в Сомерсетшире, в нескольких милях от Бата. Чарнвуд-корт в деревне Норбери. Эти эмигранты – люди с положением. Вы когда-нибудь слышали о графе де Кийоне?

– О бывшем министре?

– Вот именно. Хотя он руководил министерством не более двух-трех недель, после чего его вынудили подать в отставку.

– Он был крестным сыном предыдущего короля, – сообщил Рэмптон. – Говорят, они были связаны даже более тесно – через мать де Кийона. Вот почему в юности он был в таком фаворе в Версале. Этот король сделал де Кийона кавалером ордена Святого Людовика. Что не помешало графу заигрывать с революцией, когда это совпадало с его целями.

– Проблема в том, сэр, – продолжил Малборн, – что месье де Кийон – очень спесивый джентльмен. И с ним нелегко иметь дело. Он привык все делать по-своему. Выбирать собственный путь в этом большом мире.

– Тогда почему он похоронил себя в деревне? – спросил Сэвилл.

– Потому что он стеснен в средствах, – ответил Малборн. – Бóльшая часть его состояния осталась во Франции и арестована. Поместья конфискованы. Кроме того, графа и его сторонников не слишком жалуют в Лондоне. И наконец, они сами опасные революционеры, так как пытались манипулировать королем в своих интересах.

– Что посеешь, то и пожнешь, – заметил мистер Рэмптон.

– Ваша правда, сэр, – согласился Малборн. – Более того, их ненавидят те их соотечественники в Лондоне, которые сохраняли преданность королю Людовику и не поступились принципами.

– Совершенно справедливо, – кивнул Рэмптон. – И, откровенно говоря, мой дорогой Сэвилл, граф и его друзья так долго способствовали разжиганию мятежа, заигрывая с чернью, что мы отнюдь не горим желанием принимать их у себя.

– Тем не менее вы разрешили им приехать в Англию.

– К сожалению, у нас не хватает правовых инструментов этому помешать, – заявил Малборн.

– До поры до времени, – проронил Рэмптон. – Но речь сейчас о другом. Расскажите ему о Фурнье.

– Фурнье? – переспросил Сэвилл. – Тот человек, который занимался похоронами?

– Да, сэр. – Малборн с улыбкой кивнул. – Фурнье, главный союзник графа, последовал за ним в Англию. На самом деле, думаю, Чарнвуд сдали не графу, а именно Фурнье. Он младший сын маркиза де Сент-Этьена и при старом режиме был епископом Лодева. Однако отказался от сана и теперь предпочитает, чтобы его называли просто Фурнье. Гражданин Фурнье.

– Говорят, атеисты – худшие из людей, – с кислым видом проронил Рэмптон.

– Постарайтесь на сей раз удержаться в седле, – напутствовал Малборна Рэмптон, когда тот собрался уезжать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.